

Игнатий Николаевич Потапенко

Деревенские выборы

Игнатий Потапенко

Деревенские выборы

«Public Domain»

1887

Потапенко И. Н.

Деревенские выборы / И. Н. Потапенко — «Public Domain», 1887

«...Село Зброшенное молчаливо повиновалось своему избраннику, Климентию Верзиле, несмотря на то, что партия недовольных с каждым днём росла неимоверно. Разочарование наступило, впрочем, уже через два месяца после избрания, так как и в это короткое время голова достаточно доказал свою администраторскую неспособность. Климентий Верзило был мужик зажиточный и почтенный. Самою высшею его добродетелью была бесконечная сердечная доброта: известно было за достоверное, что он мухи не обидит. Потому его все любили и, что всего удивительнее, любили и теперь, когда его управление создало так много недовольных. Правда, что в головы он не годился. Он был слишком мягок и добр, он не умел даже прикрикнуть хорошенько, не говоря уже о том, что об употреблении кулака он не имел ни малейшего понятия...»

Игнатий Николаевич Потапенко

Деревенские выборы (Очерк)

Село Заброшенное молчаливо повиновалось своему избраннику, Климентию Верзиле, несмотря на то, что партия недовольных с каждым днём росла неимоверно. Разочарование наступило, впрочем, уже через два месяца после избрания, так как и в это короткое время голова достаточно доказал свою администраторскую неспособность. Климентий Верзило был мужик зажиточный и почтенный. Самою высшею его добродетелью была бесконечная сердечная доброта: известно было за достоверное, что он мухи не обидит. Потому его все любили и, что всего удивительнее, любили и теперь, когда его управление создало так много недовольных. Правда, что в головы он не годился. Он был слишком мягок и добр, он не умел даже прикрикнуть хорошенько, не говоря уже о том, что об употреблении кулака он не имел ни малейшего понятия. Во всё продолжение его президентства «холодная» почти стояла пуста, – этот факт достаточно красноречиво говорит сам за себя, чтобы его нужно было комментировать. Явление это представлялось заброшенским обывателям до того ненормальным, что один из наиболее ревностных консерваторов, побив свою супругу в пьяном виде и не дождавшись за это законной кары, сам сел в «холодную» и отсидел там целую ночь. Верзило был «слаб», – в этом были все согласны, хотя с другой стороны у него были и достоинства, которые можно найти далеко не во всяком голове. Так например, ни один ещё голова в день своего избрания не предоставлял громаде такого блестящего угощения как Климентий Верзило. Мало того: подобное празднество повторялось каждый год, в годовщину избрания, и этим, главным образом, и объясняется то обстоятельство, что, несмотря на полную, по-видимому, непопулярность, Климентий Верзило имел всё-таки более или менее значительное число приверженцев. Может быть, здесь немалую роль играл также блестящий фейерверк, который Верзило ко дню годовщины выпысывал из губернского города, и который затем торжественно сжигался среди ставка деревенскими парнями, съехавшимися туда на множестве «дубков» и «душегубок».

Наконец, и самая наружность Верзилы давала ему возможность делать честь всякому учреждению, избравшему его своим представителем. Громадный рост, высокие плечи, карие умные глаза, орлиный нос и густая круглая борода, наполовину состоявшая из седин...

Такого голову не стыдно хоть куда показать, не стыдно снять перед ним шапку и поклониться, не стыдно и даже лестно быть потрёпанным от его руки «за чуприну». К сожалению, Верзило, по доброте своей, никому ещё из заброшенских обывателей не предоставил этой чести. Во всяком случае, партия недовольных была значительно сильнее, так что было почти уже решённым делом, что Климентию Верзиле не быть головой.

Дело естественное, что надо было иметь ввиду другого кандидата, и таковой явился в лице Федота Крынки, известного в селе под именем Швеца, т. е. портного, хотя он на веку своём не сшил ни одной пары шаровар и не держал в руках иголки, кроме разве цыганской, которой зашивал мешки. Портняжеством же занимался его прадед, который и оставил ему в наследство своё прозвание.

Федот Крынка был человек совсем особого рода, и именно такого рода, что с первого раза его кандидатура казалась странной, невероятной, почти невозможной. Это был человек почти низкого роста, с реденькой клинообразной бородой, рябоватым, курносым лицом, и с вечно красными глазами. Он был плечист и широк, но, обладая чрезвычайно тонкими ногами, походку имел «куриную», вследствие чего на ходу был очень смешон. Одевался он всегда небрежно и грязновато, хотя имел полную возможность одеваться иначе. Он, правда, не выдавался хозяйством из ряда средних мужиков, но не был и бедняком. Любил выпить Федот Крынка и в пьяном виде был буен. Все эти недостатки, однако, не мешали ему стоять во главе большинства и конкурировать с почтенным во всех отношениях Климентием Верзилой. И, что

всего интереснее, сам Крынка во всё время избирательной борьбы не промолвил ни одного слова о своей кандидатуре. Он спокойно сидел дома или буйствовал в кабаке, а за него и без его ведома работали его приверженцы.

Федот Крынка имел немного достоинств, но эти достоинства деревня весьма ценила. Первое и самое главное – он умел сказать «умное слово». Он вовсе не был красноречив, и его «умное слово» состояло всегда не больше как из двух-трёх слов, согласованных грубо, просто, по-мужичьи. Но зато как скажет Крынка эти два-три слова, так и перерешит весь сход. На сходе он обыкновенно молчит, и только когда уже примут окончательное решение, он выступит на середину двора и скажет: «А я так вот как это дело понимаю!» и тут же окажется, что Федот понимает это дело настоящим образом. Мужики только головами покачивают: «Ну Федот! Сто голов один передумал». Климентия Верзילו недолюбливал Федот: «Что он за голова, когда его становой ни разу не распекал?! А всё потому, что он делает не по-мужиковски, а по-станововски!» В период агитации он как раз запил и почти безвыходно сидел в кабаке. Зато Климентий Верзילו не дремал. Здесь надо упомянуть об одной слабости заброшенского головы, слабости, впрочем, присущей всем великим людям. Он любил славу. Голова, что там ни говори, есть во всяком случае первый человек в деревне. Не быть головой – это ещё небольшая беда, не могут же все быть головами. Но, побывавши головой, вдруг обратиться в обыкновенного мужика – это для Верзилы была бы кровная обида. О, он искренно жалеет о своём добросердечии, он готов на будущее время сделаться строгим карателем, готов даже пускать в дело свой кулак, если это может послужить общественному благоустройству. Ему страшно хочется удержать за собой немаловажный пост, так хочется, что он готов отдать за это половину своих достатков. Поэтому в обширном дворе Климентия Верзилы водка не истощается в продолжении вот уже двух дней; пьёт всякий захожий без разбору, пьёт всякий, кому хочется выпить, и даже тот, кому вовсе не хочется, проходя мимо весёлого двора Верзилы, не может удержаться, чтоб не зайти и не выпить. Было совершенно немисливо оказывать предпочтение одним перед другими, потому что в селе Заброшенном практиковалась безусловно всеобщая подача голосов. Избирательным цензом служило ни больше, ни меньше, как обладание человеческой душой, в существовании которой ни один из заброшенских обывателей не сомневался. Был даже такой случай, что один мужик, с роду и в рот не бравший водки, с этого дня сделался горьким пьяницей. «Понравилось!» – объяснял он потом эту перемену. Зато уж он был самым рьяным и неизменным приверженцем Климентия Верзилы.

Итак, агитация была в самом разгаре. Климентий Верзילו уже был совершенно уверен в успехе, так как ему удалось перепоить всю деревню; больше всех пил у него Федот Крынка, с которым Верзילו имел даже особый разговор.

– Ага! И ты, Швець, пожаловал! – встретил его Верзילו.

– Пожаловал! – отвечал Федот, уже изрядно пошатываясь.

– Так ты за меня, что ли?

– Ну, нет, брат, я за себя! – серьёзно отвечал Федот. – Я, брат, всегда за себя стою!

– И тебе ли с пьяной головой в головы лезть? – злобствовал Климентий Верзילו. И затем обратился к своим заведомым приверженцам. – И смешно мне, и досадно, что этакий сопляк, пьянюга – мой соперник! Хотя бы выставили что-нибудь порядочное! Не стыдно было бы помериться!

Крынка молчал и пил.

Между тем приверженцы Верзилы ходили по деревне и, останавливаясь у завалинок, где кучками сидели мужики, говорили речи, приблизительно в таком роде: «Ну, что, панове, казаки! Лучшего головы как Верзילו и вовеки не найти нам! Мужик он степенный, уважаемый и непьющий. А этот паршивец-пьянчужка, Швець, куда же он годится? Разве для того, чтоб громаде было чего стыдиться? Так тогда ещё лучше выбрать в головы Стёпку-дурного, что своих пяти пальцев сосчитать не умеет! Пожалее, громада, помяните моё слово». Как видите,

средства для борьбы употреблялись самые крайние, агитация велась почти по-американски. Слушатели обыкновенно отвечали: «И без тебя знаем, что делать! Чего учить вздумал? Есть и постарше тебя!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.